

Александр Горохов

Ирочка

1

Ирочка давно хотела перерезать горло своему мужу. Но не было удобного случая. То отношения налаживались, то дочка хворала, то не было денег на еду, то, наоборот, муж приносил хорошую зарплату. Хотя перерезать ему горло или задушить ночью подушкой Ирочка давно решила.

Потому, что муж был сволочью. По ночам он опрыскивал ее, Ирочку, дочку и даже кота какой-то гадостью, и когда они, одурманенные этим опрыскиванием, засыпали, приводил в дом любовницу и сношался с ней до утра.

Она просила мужа не трогать хотя бы ребенка. Не отравлять его этими опрыскиваниями, но муж орал на нее, говорил, что у нее крыша уехала, крутил пальцем у виска. А один раз, когда она, заступаясь за здоровье ребенка, пыталась поколотить этого подонка, чтобы он наконец понял, что не надо их мучить, даже поколотил ее. Ударил два раза.

Ирочка тогда и решила, что такой негодяй не должен жить.

Каждое утро, когда она видела, как зевает сонный кот, как не хочет просыпаться дочка, Ирочка повторяла про себя: «Ничего, подонок, скоро ты сдохнешь».

Ирочка завязывала на ночь дверь веревкой, подставляла к входной двери шкаф для одежды, чтобы не допустить проникновение в дом любовницы. Но муж умудрялся веревки развязать, шкаф отодвинуть и впустить ее. А утром выпустить из дома, веревку завязать и пододвинуть шкаф к двери так, как будто никто не заходил в дом.

Но Ирочка замечала некоторые тонкости и знала, что муж по ночам запускает в дом любовницу, а их с дочкой и котом опрыскивает.

Ирочке было не понятно только одно: как этому подонку удастся находить и периодически менять любовниц, которые ночью по темным улицам невесть откуда не боятся идти к ним в дом, а потом под утро возвращаться назад к себе.

Ирочке было не понятно, чем он их приманивает. Зарплата у него маленькая, сам лысый, пузатый и в сексе не очень. Вдобавок изо рта у него воняет гнилым зубом. Ответ на этот вопрос не давал Ирочке покоя, и она, чтобы ответить на него, для себя решила, что этот ответ очень прост – муж ПОДОНОК.

Сдерживало Ирочку только одно. Дочка очень любила отца и в их ссорах была на его стороне. Хотя Ирочку дочка тоже сильно любила и просила не ругаться с отцом, а жить мирно и дружно.

Вчера дочка уехала в спортивный лагерь на все лето, и надо было срочно действовать.

Ирочка продумала все до мелочей.

Мужу и соседям сказала, что уезжает на несколько дней к своей матери, действительно оделась так, чтобы все видели, поехала.

В троллейбусе Ирочка нарочно, чтобы кондукторша ее запомнила, протянула за билет сто рублей, сказав, что мелочи у нее нет. Кондукторша долго ворчала,

собирая сдачу, и, набрав, отдала Ирочке целую горсть мелочи. Ирочка тоже поворчала для отвода глаз и вышла из троллейбуса возле дома матери.

Поздно вечером, угостив мать тортом и подмешав к заварке снотворного, Ирочка дождалась, когда мать заснет, и, переодевшись в темно-серое, неприметного вида платье, отправилась обратно домой.

С собой Ирочка захватила тряпичную сумку, в которую положила нож, завернутый в полиэтиленовый пакет и еще, сверху, в тряпку. Нож этот Ирочка нашла месяц назад. Когда нашла, то сообразила, что это послание Господнее, знак и пора действовать. Она осторожно, чтобы не оставить своих отпечатков, подняла нож с асфальта так, как видела в кино про следователей и бандитов, – взяв его рукой, засунутой в полиэтиленовый пакет. Ирочка была уверена, что на ноже остались отпечатки руки того, кто потерял этот нож, и думала, что при таком варианте ее никогда не найдут и даже не заподозрят. Про потерявшего ножик она и не думала.

Отойдя от дома матери два квартала, Ирочка остановила машину и попросила довести ее, но адрес указала не свой, а тоже в двух кварталах за своим домом.

Пробиравлась к дому Ирочка очень осторожно. Шла по той стороне улицы, где не было фонарей, и как только вдали появлялся какой-нибудь прохожий, пряталась в тень. В подъезд Ирочка вошла только тогда, когда оттуда вышли все полуночничавшие малолетки и алкаши, когда убедилась, что все спят и никто ее не увидит. Дверь Ирочка закрыла за собой тоже осторожно, чтобы не стукнула пружина, не заскрипели петли. Тихонько на цыпочках она прошла все три этажа и остановилась у родной двери. Прислонила к ней ухо. За дверью было тихо.

2

Муж у Ирочки тоже был не дурак. Когда он узнал, что жена отправилась на неделю к матери, то почувствовал редкостное облегчение от своей скандальной жизни и решил расслабиться. Отправился в магазин, купил три литра пива, леща холодного копчения, хлеба и на всякий случай чекушку водки.

Пиво муж поставил в холодильник, а рюмку из чекушки выпил. После сделанного он окончательно почувствовал вкус свободы и позвонил дружку:

– Витюля, я пиво уже в холодильник поставил. Пока ты подойдешь, оно дойдет до нужного градуса.

– А где твоя?

– Моя ненаглядная, в смысле глаза бы ее не видели, укатила к своей матери на неделю.

– К какой матери? – переспросил Витюля, обладавший тонким чувством юмора. Оба довольно засмеялись.

Через полчаса Витюля действительно прибыл. Вместе с ним прибыл его дружок Коля и три поллитровых бутылки самопальной водки, которую Коля добывал почти бесплатно у соседки, приторговывавшей этим зельем. Кроме водки ностальгически настроенный Коля принес трехлитровую банку томатного сока. То ли вспомнил времена юности, когда пил «Кровавую Мэри», то ли просто стащил в магазине.

Нехватку закуски компенсировали обилием выпивки и вскоре, разомлев от августовской жары, задремали.

Проснувшись в пятом часу вечера, отправили Колю за добавкой и, приняв еще по столыку же, разошлись по домам. Причем Ирочкин муж вместе с Витюлей отправились к Витюле, а Коля остался отдохнуть.

3

И отдохнул.

Когда Ирочка прокрадывалась в собственную квартиру, открывала дверь, бесшумно проворачивая ключ в скважине, притворяла, но не запирала, чтобы не шуметь, входную дверь и, сняв туфли, пробиралась в спальню, обнажив, извините за каламбур, нож, Коля проснулся от страшной жажды и, нащупав банку с остатками томатного сока, присосался к ней. Свет в комнате приятели забыли выключить, однако Коля не открывал глаза, чтобы не раздражать и без того измученное зрение. После второго глотка он захлебнулся, вылил на себя содержимое банки и в отчаянии заснул.

Ирочка, просунув голову в спальню, увидела кровать и в ней мужа, залитого кровью.

От ужаса супруга заверезжала трудно повторяемым, но страшным в звучании тембром. Визг длился минут десять. К этому времени соседи успели проснуться, выскочить на лестничную площадку и, увидев незапертую дверь Ирочкиной квартиры, в порыве отчаянной храбрости, возникшей, наверное, под воздействием визга, ворваться в квартиру и вбежать в спальню.

Посередине спальни, размахивая ножом, визжала Ирочка, а в кровати лежал вовсе не Ирочкин муж, а чужой мужик с перерезанным горлом, залитый кровью.

Бдительные соседи заломили руки, выхватили нож, связали Ирочку, выволокли ее на кухню, закрыли, чтобы не затоптать следы, дверь в спальню и вызвали милицию.

Ирочка перешла с визга на рыдание, а затем на членораздельную речь, чередующуюся с всхлипываниями.

Ее монолог сводился к одной многократно повторенной фразе и звучал примерно так:

– Это не я его зарезала, я его не убивала, он был такой, он сам зарезался!

Милиция прибыла на редкость быстро.

На вопрос «в чем дело?» соседи рассказали про убийство, задержание и сообщение в милицию. Милиционеры, молодые ребята-практиканты, мельком заглянули в спальню, увидели окровавленное тело на кровати, сказали «понятно» и сообщили по постоянно шипящей рации об убийстве на бытовой почве, задержании подозреваемой и необходимости приезда бригады следователей.

Получив команду ждать, они закрыли дверь в спальню, прошли на кухню, переписав соседей, отпустили их в свои квартиры досыпать, а сами, на двух табуретах, остались ждать более опытных соратников по борьбе с криминалом. Ирочка, всхлиывая и повторяя, что она ни в чем не виновата и никого не убивала, сидела на третьем табурете. Ее голос убаюкивал стражей порядка.

В это время Коля, переполненный продуктами переработки выпитого, проснулся. Обматерил пролитый томатный сок, вымазанные простыни, все остальное, что попало на глаза, и отправился в туалет.

Ирочка вторично заверезжала. Милиционеры проснулись. Соседи выскочили из квартир.

Коля сопротивлялся, как мог, но одолеть молодых и вдобавок трезвых милиционеров не сумел. Его скрутили и приступили к допросу.

Коля выбрал гениальную тактику защиты. Он утверждал, что был пьян, ничего не помнит и не знает. На вопрос первого милиционера, за что он убил Ирочкиного мужа, ответил, что никого не убивал.

А на вопрос второго, кто же тогда убил, показал не моргнув глазом на Ирочку.

Прибывшая в это время оперативная группа труп не обнаружила.

Обескураженные милиционеры заявили, что в то время, пока они проводили первичное дознание, Ирочка, их отвлекла, а ее сообщник перепрятал труп с целью его сокрытия, но они, бдительные слуги закона, сумели его задержать.

– Чего? – опроверг их Коля. Но его голос услышан не был.

Убедившись в отсутствии трупа, профессионалы впали в особый раж. Они начали проводить следственные действия с особым пристрастием, а именно: обыскали все закоулки квартиры и балкон.

В процессе обыска была найдена бутылка водки, породившая в мозгу Ирочки и Коли одну и ту же мысль, не принятую говорить о покойниках: «Заныкал, сволочь!!!»

Кроме того, было найдено двести рублей, старых, ныне не действующих, запрятанных Ирочкой давно от мужа и потом забытых, и её же золотое кольцо, года два назад подаренное Ирочкиным мужем любовницам, но, как теперь оказалось, утерянное самой Ирочкой. Муж за кольцо был презираем и бит. Тогда же у Ирочки впервые возникла мысль перерезать ему горло.

Труп обнаружить не удалось.

Коле в коридоре долбанули под дых и шепотом спросили:

– Куда, гад, дел труп?

Коля заорал, не столько от боли, сколько для того, чтобы все слышали, как милиция пытается невинных граждан. От него отвязались, но надели наручники и поставили с широко расставленными ногами, лбом уперев в стену комнаты.

В это время в квартиру вошел эксперт-криминалист, замешкавшийся с приездом на место преступления по причине небольшого перекуса.

– Ну, – спросил он людей в погонах, – улики все затоптали или, по недоразумению, что-то осталось?

– Ничего не трогали, только сделали обыск.

– Ну-ну, — обреченно вздохнул он.

– Мы место преступления не трогали, – оправдался старший.

– А где место-то?

– Кровать. Вся в крови. К ней не приближались.

– Ну-ну, – примирительно ответил словоохотливый криминалист и подошел к грязной и скомканной постели.

Сначала его лицо выражало внимание, потом процесс осмысления, затем недоумения и, наконец, презрения к коллегам.

– Идиоты, это томатный сок. Пожрать толком не дали.

Эксперт сам приступил к допросу, в процессе которого выяснил, где теперь может находиться Ирочкин муж.

Коля вспомнил номер телефона Витюли, тому позвонили, и после пятиминутного гудения трубка голосом хозяина ответила.

Эксперт представился, попросил разбудить Ирочкиного мужа и, когда тот взял трубку, велел срочно вернуться домой, пригрозив в случае задержки арестом. Законопослушный муж через мгновение был дома.

Убедившись, что все живы, убитых, зарезанных, покалеченных нет, милиция составила протокол и уехала. Соседи тоже разошлись. Ирочка осталась на кухне одна. Муж, не до конца понявший, что произошло, походил по комнате, поворчал и тоже пришел на кухню.

Ирочка посмотрела на него и зарыдала. Она плакала сначала просто потому, что началась истерика, потом из-за того, что хотела зарезать своего дурака, да не сумела. Потом плакала потому, что любила его, любила, несмотря на вечное безденежье. Плакала из-за неудавшейся жизни, из-за того, что осенние сапоги прохудились, а купить новые нету денег. Плакала из-за того, что надо помогать дочке, только начинавшей самостоятельную жизнь, но нечем. Муж обнял ее, начал успокаивать, гладить по голове и говорить, что все пройдет, образуется, что будет хорошо.

А Ирочка сидела и заливалась слезами, уткнувшись в его мягкий живот, в майку, высунувшуюся из-под байковой рубашки с оторванной пуговицей, и плакала от счастья, что не зарезала его, такого родного и любимого.